

ДРЕВНѢЙШЕЕ

РУССКОЕ ПРАВО

ВЪ

ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЕГО РАСКРЫТІИ.

С О Ч И Н Е Н І Е

І. Ф. Г. ЭВЕРСА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Иванъ Платоновъ.

*Quis nescit, primam esse historiae legem,
ne quid falsi dicere audeat? deinde ne quid
veri non audeat?*

CIC. DE ORAT. II, 15.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

~~~~~
1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Пе-
тербургъ. 4 Января, 1832 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ,

МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ЧЛЕНУ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА,

СЕНАТОРУ,

ПРЕЗИДЕНТУ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

**Предсѣдателью Комитета устройства Учебныхъ
заведеній и Главнаго Управленія Цензуры,
многихъ какъ Отечественныхъ, такъ и ино-
странныхъ Ученыхъ Обществъ Члену и раз-
ныхъ Орденовъ Кавалеру.**

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Милостивый Государь!

Извѣстное Созиненіе ученаго изыскателя нашей Исторіи, Эверса, раскрывающее законный и политическій бытъ Россіи въ первомъ періодѣ ея существованія, и, слѣдовательно, по содержанію своему принадлежащее къ кругу произведеній Исторической Литтературы нашего Отечества, казалось, ожидало только измѣненія своей гужеземной формы въ естественную, наиболее сообразную съ существомъ предмета

его одежду слова, чтобы сдѣлаться
вполнѣ достояніемъ Русской письмен-
ности. Принявъ на себя удовлетвореніе
сей потребности по любви моей къ
Законовъдѣнію и вкусу къ Отечествен-
нымъ Древностямъ, я осмѣливаюсь по-
святить трудъ свой имени **Вашего**
Превосходительства. Дѣятель-
ныя мѣры, принимаемыя **Вами** къ
собранію, огищенію и приведенію въ
общую извѣстность **Источниковъ Древ-**

ней Россійской Исторіи, ободрительное покровительство, оказываемое Отец-ственному Законовъдѣнію и вообще весь образъ дѣйствованія Вашего ко благу Просвѣщенія, мудро основываемый на началъ народности, подають мнѣ надежду, что приношеніе мое не будетъ отринуто Вами.

Ваше Превосходительство!
примите этотъ начальный опытъ мо-
ихъ Юридическихъ занятій вмѣстѣ и

какъ залогъ, какъ предварительное свидѣтельство живой готовности подвизаться со вѣсьмъ усердіемъ на томъ поприщѣ, какое Вы благоволите указать мнѣ въ области Вашего управленія.

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА,

МИЛОСТИВАГО ГОСУДАРЯ

ПРЕДАННѢЙШІЙ СЛУГА

Иванъ Платоновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Законъ и Дѣяніе, говоря вообще, состоятъ въ тѣсномъ, неразрывномъ между собою отношеніи. Первый, какъ предначертанный образъ дѣйствованія и вмѣстѣ какъ изліяніе духа времени, самъ по себѣ служитъ указателемъ явленій дѣятельности, въ которыхъ должно обнаружиться исполненіе Законныхъ уставовъ; послѣднее, какъ выраженіе, болѣе или менѣе близкое, правила дѣйствованія, само по себѣ бываетъ свидѣтельствомъ духа и свойства законовъ, направляющихъ дѣятельность, такъ, что Законодательствомъ, можно сказать, условливается Исторія народа, а Исторіею осуществляется и оправдывается Законодательство. Сіе-то взаимное соотношеніе Закона и Дѣянія служило основаніемъ ученому Эверсу для начертанія *Древнѣйшаго Русскаго Права въ историческомъ*

его раскрытіи, — произведенія, въ которомъ совмѣщены Исторія и Право Россіи въ первоначальномъ періодѣ ея существованія. Авторъ тщательно слѣдилъ по Лѣтописи Нестора государственныя и частныя дѣянія Князей и подданныхъ и возводилъ ихъ къ извѣстнымъ началамъ, изъ коихъ они проистекали, подтверждая и объясняя свои изслѣдованія аналогіею другихъ равностепенныхъ Правъ. Такимъ образомъ на сіе произведеніе надлежитъ смотрѣть съ двухъ сторонъ: со стороны Исторической и со стороны Юридической.

Съ Исторической стороны, сочиненіе сіе представляетъ важное критическое обзрѣніе древнѣйшаго періода Россійской Исторіи. Видя, по указанію самой Лѣтописи, Славяно—Русса стоящимъ, такъ сказать, на прагѣ между семейственнымъ и государственнымъ бытомъ, Эверсъ, на основаніи сильныхъ убѣжденій ума и опыта, подчинилъ дѣйствованіе его вліянію двухъ началъ—семейственной и государственной жизни, изъ коихъ одно должно было мало по малу ослабѣвать и исчезать, а другое возрастать и утверждаться. Въ семъ неопредѣленномъ, колеблющемся состояніи человѣкъ не есть еще истинный гражданинъ Государства; свыкшись съ древними обычаями семейственной жизни въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, онъ долго остается имъ вѣренъ и тогда, когда пе-

ХІ

реступаетъ въ кругъ государственныхъ отношеній; онъ не вдругъ еще принимаетъ на себя тяжкій для дикой его свободы яремъ правилъ и формъ, необходимо возлагаемый на него государственною жизнію; и тотъ образъ мыслей и чувствованій, который онъ переноситъ съ собою, поступая въ государственное состояніе, долго бываетъ направлятельнымъ началомъ его дѣятельности. Смотри съ сей точки зрѣнія—точки правильной, на которую необходимо долженъ поставять себя испытатель Исторіи при изслѣдованіи первоначальнаго періода всякаго государства, Авторъ легко находитъ основанія всѣмъ нравственнымъ и гражданскимъ дѣяніямъ, имѣвшимъ мѣсто въ политическомъ мірѣ тогдашней Россіи, и то, что для простаго читателя кажется какимъ-то чудовищнымъ изрожденіемъ дикой, буйной природы человѣка, получаетъ видъ явленія естественнаго, которое непременно долженствовало произойти по началу, тогда дѣйствовавшему. И поелику, такъ называемая, Критика дѣлъ, которая въ изреченіи суда своего необходимо должна утверждаться на таковыхъ началахъ, смотритъ на изложеніе Дѣписателя, какъ на одежду, произвольно имъ построєваемую для облаченія исторической были, какъ на обрисовку, дѣлаемую имъ сообразно своему вкусу и своимъ правиламъ; то многія дѣянія въ томъ

видѣ, какъ они представлены Лѣтописцемъ, бывъ подвергнуты пробному дѣйствию принятаго Авторомъ начала, не выдержали испытанія и въ слѣдствіе того получили другой, болѣе сообразный смыслъ. Мы не хотимъ указывать здѣсь на сіи преобразованныя были; читатель лучше увидитъ ихъ при самомъ чтеніи критическаго опыта; скажемъ только предварительно, что если такія переоблаченія и покажутся кому неправильными, насильственными, то, по крайней мѣрѣ, всё согласнѣе съ разумомъ видѣть многозвѣнную цѣпь дѣяній прикрѣпленною къ какой нибудь точкѣ, нежели висящею ни на чемъ.

Съ Юридической стороны, *Древнѣйшее Русское Право* можетъ быть названо начертаніемъ Внутренней Исторіи перваго періода Россійскаго Права и вмѣстѣ отнесено къ наукѣ Древняго Права вообще. — Какъ опытъ Внутренней Исторіи Россійскаго Права, оно заслуживаетъ вниманіе потому, что юридическія правила, которыя Авторъ извлекалъ изъ сказаній Лѣтописи, равно и положительные законы, извѣстные подъ именемъ Правды, развиты имъ изъ одного начала, дѣйствующаго въ первобытномъ состояніи государства, когда оно только что исходитъ изъ сферы семейственнаго устройства, обыкновенно предшествующаго государственному. Отъ чего законное состояніе Россіи во

время первоначальнаго періода ея образованія представляется въ стройномъ, единослѣдственномъ видѣ. Два мирные Договора, заключенные Олегомъ и Игоремъ съ Греками, въ которыхъ Русское и Греческое Право находятся въ сліяніи, разобраны по ихъ составнымъ элементамъ, такъ, что читатель ясно видитъ, какое постановленіе принадлежитъ Греческому и какое Русскому Праву, или какимъ образомъ извѣстное правило видоизмѣнилось въ слѣдствіе обоюдной уступки договаривавшихся сторонъ. Вообще, Русская Правда и мирные Договора съ Греками раскрыты правоученнымъ испытателемъ Исторіи съ такою полнотою и ясностію, какъ еще никому не удавалось изъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ ему на семь пути, и—говоря въ особенности о договорахъ, если извѣстный изыскатель Русскихъ Древностей, тотъ, который такъ счастливо умѣлъ разрѣшить узелъ сомнѣнія, сплетенный Плецеромъ изъ мнимыхъ противорѣчій въ лѣтосчисленіи между Лѣтописью Нестора и Византійскими Писателями и оказалъ значительную услугу Русской Нумисматикѣ, лишаетъ насъ удовольствія видѣть исполненіе даннаго обѣщанія написать отдѣльное сочиненіе о сихъ Договорахъ, то сдѣланное Эверсомъ объясненіе по тому же предмету можетъ насъ довольно утѣшить въ семъ чувствительномъ лишеніи (слич. ниже стр.

147 прим. 1). Такимъ образомъ для перваго періода Россійскаго Законовѣдѣнія мы имѣемъ исторію въ предлагаемомъ здѣсь Сочиненіи. Авторъ справедливо ограничилъ свои изысканія тѣмъ пространствомъ времени, для коего мы едва ли можемъ ожидать открытія новыхъ, непосредственно къ сему времени относящихся Источниковъ и, слѣдовательно, историческая судьба коего—можно сказать—уже рѣшена. Въ *Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ* Графа Н. П. Румянцева самый старинный памятникъ относится къ 1265 г., а изъ трехъ тысячъ Историко-Юридическихъ Актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею, ни одинъ не восходитъ далѣе 1540 года. (См. *Журналъ Министерства Народ. Просв.* 1835 г. Генварь, стр. 97), слѣдовательно ни одного остатка, который бы принадлежалъ ко времени изысканій Сочинителя. Поставивъ себя въ такихъ предѣлахъ, Эверсъ избѣгнулъ того упрека, какой обыкновенно дѣлаютъ рановременнымъ трудамъ, предваряющимъ самую возможность совершеннаго успѣха въ дѣлѣ за недостаткомъ отъ полнаго собранія Источниковъ. При семъ позволено надѣяться, что обильная жатва памятниковъ стариннаго быта Россіи, собранная помянутою Экспедиціею, не останется безъ дѣлателей для исторіи дальнѣйшаго развитія Россійскаго Права, и что на основаніи какъ

прежнихъ Источниковъ, представляемыхъ нашими Лѣтописцами и Собраніемъ Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, такъ и сдѣланныхъ въ послѣднее время открытій воздвигнется наконецъ полное зданіе науки отечественнаго Законовѣдѣнія, которое обьметъ въ своемъ цѣльномъ составѣ все измѣненія и отличія Законодательства, порожденные временемъ и мѣстностію,—подобное тому, какимъ по всей справедливости можетъ хвалиться, преимущественно предъ всѣми Европейскими народами, Германія произведшая для историческаго развитія своего Права Пюттеровъ и Эйхгорновъ.

Далѣе, предлагаемый трудъ заслуживаетъ вниманіе и по отношенію къ Древнему Праву вообще.—Для сей отрасли Правовѣдѣнія, которая доселѣ остается такъ еще необработанною, ни откуда не можетъ быть заимствованъ лучшій и благонадежнѣйшій запасъ, какъ изъ Лѣтописи Нестора и Русской Правды. Нигдѣ письменность и Законодательство не открылись такъ скоро, по основаніи государства, какъ въ Россіи. Несторъ писалъ спустя почти два столѣтія по основаніи Россійскаго Государства, а Русская Правда дана спустя тридцать два года по введеніи Христіанской Вѣры; слѣдовательно, какъ Лѣтопись, такъ и Законодательство были весьма близки къ тому времени, когда уставы и обычаи, свойственные устройству общества

до образованія его въ составъ государственный, еще не перестаютъ дѣйствовать и въ Государствѣ. Лѣтопись носитъ въ себѣ начертаніе первоначальнаго образа дѣйствованія челоѣка, когда онъ переступаетъ въ государственное состояніе, а Правда Русская служитъ зеркаломъ первобытнаго Законодательства, которое съ своей стороны есть также выраженіе духа и потребностей времени. Почему представляемое нами произведеніе имѣетъ достоинство и въ томъ отношеніи, что въ немъ раскрытъ образъ Древняго Права вообще, такъ, какъ оно является въ первоначальномъ состояніи общества, по существу своему вездѣ единообразномъ.

Что касается до перевода, то переводчикъ старался вездѣ 'быть вѣрнымъ подлиннику. Мѣста изъ Лѣтописи приведены и въ переводѣ по тѣмъ же самымъ спискамъ, по которымъ приводилъ самъ Авторъ. Впрочемъ, указанія, дѣлаемыя имъ на Нѣмецкій подлинникъ объясненнаго Шлецеромъ Нестора, поставлены переводчикомъ по переводу Д. Языкова, равно нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія Автора, которыя могутъ имѣть цѣну только для Нѣмецкаго читателя подлинника, въ переводѣ опущены, какъ совершенно излишнія и для Русскаго читателя безполезныя. Два мирные Договора Олега и Игоря съ Греками, представлены въ подлинникѣ и переводѣ на новѣйшій